

В. В. ВАСИЛЬЕВА

**РУССКИЙ
ПРОЗАИЧЕСКИЙ РИТМ**

ДИНАМИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Виктория Васильева

**Русский прозаический
ритм. Динамический аспект**

«Геликон Плюс»

1992, 2017

УДК 821.112.5
ББК 81

Васильева В. В.

Русский прозаический ритм. Динамический аспект /
В. В. Васильева — «Геликон Плюс», 1992,2017

ISBN 978-5-00098-135-1

Книга является исправленным переизданием монографии, выпущенной в 1992 г. Пермским государственным университетом. В монографии обсуждается вопрос о статусе прозаического ритма как лингвистической категории. Обращаясь к динамической природе языка, автор рассматривает под новым углом зрения суперсегментные единицы и просодическую систему русского языка в целом, а сам ритм квалифицирует как форму выражения просодии в тексте. Постановка этих и других теоретических проблем делает эту книгу интересной для специалистов-филологов. Студенты речеведческих направлений найдут в ней подробное и доступное описание методики выявления ритма, которая может быть распространена на самые разные в жанровом и стилевом отношении тексты.

УДК 821.112.5

ББК 81

ISBN 978-5-00098-135-1

© Васильева В. В., 1992,2017

© Геликон Плюс, 1992,2017

Содержание

Предисловие ко второму изданию	6
Введение	8
Часть I	10
Глава 1	10
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Виктория Владимировна Васильева
Русский прозаический
ритм. Динамический аспект

Эту книжку я посвящаю светлой памяти ушедших близких

Предисловие ко второму изданию

С момента выхода в свет этой книжки прошло почти четверть века. Тем не менее она востребована специалистами, студентами, аспирантами. На нее ссылаются, когда принимаются исследовать неуловимую, но ясно ощущаемую ритмику русской речи. Обращение к звуковой стороне языка всегда выдает в человеке надежду найти ответ на вопрос, заданный в середине прошлого века большим ученым и тонким психологом Н. И. Жинкиным: откуда же появляется в тексте смысл, которого нет в отдельной фонеме? От отдельной фонемы до целого текста – путь длинный для исследования и мгновенный для говорящего. В свое время мне показалось, что изучение ритма и приближает нас к разгадке.

Мой интерес к речевому ритму – из разряда вечной потребности поверить алгеброй гармонии. Поэтому главная задача заключалась в том, чтобы разработать такую методику, технологию «исчисления» ритма, которую можно было бы применить к самым разным текстам. Один из моих старших коллег, прочитав книжку, сказал: «Вот бы вы мне Пастернака просчитали! Так интересно!» И я поняла, что в методику поверили. И еще об одной неожиданной пользе от книжки я узнала через своих коллег-переводчиков: оказалось, что сравнение ритмических структур оригинала и перевода помогает им в работе при выборе вариантов.

Одним словом, на книжку есть спрос. Но полиграфические возможности университетского издательства были невелики, и газетная бумага, на которой издана книжка, делает невозможным ее размещение в электронном варианте, а небольшой тираж превратил ее почти в библиографическую редкость. В новом формате она будет доступна и в Сети.

Принимая решение о переиздании книги, я понимала, что список упоминающихся в ней научных трудов произведет на современного читателя впечатление «путешествия во времени». Сегодня, когда многочисленные ФГОСы (Федеральные государственные образовательные стандарты) и регламенты требуют от исследователей и преподавателей использования «новейшей литературы», мой разговор с коллегами почти целого ушедшего века может показаться неактуальным. Но готовя текст книжки к верстке, я снова пережила ощущение живого диалога и с классиками лингвистики (фонетической науки в частности), и с сильнейшими языковедами, которых мне позволено было судьбой знать и слушать лично. Многие труды этих ученых переизданы в более позднее время, но я посчитала правильным сохранить ссылки на те издания, которые появлялись в годы работы над книгой. Кажется, это называется исследовательской этикой. Я думаю, что для многих молодых ученых библиографический список в моей книжке сослужит хорошую службу: они узнают об исследователях, чьи идеи опередили свое время на десятилетия и чьи труды мы называем научными первоисточниками.

К таким ученым относится в полной мере мой учитель – профессор Л. Н. Мурзин. Он был научным редактором этой книжки в 1992 году и тогда еще не входил в число ушедших близких, которым я посвятила ее издание. Сегодня его имя тоже значится как имя научного редактора – переработка книги незначительна и лишь в сторону устранения неясностей и ошибок. Но второе издание книги я посвящаю и светлой памяти Леонида Николаевича Мурзина.

Предисловия мало кто читает. Но надеюсь, взгляд читателя упадет и на эту страницу, где я хочу назвать тех, кому я благодарна не только за то, что тогда, 25 лет назад, эта книжка получилась, но и за то, что они остаются со мной и по-прежнему выслушивают меня. Спасибо моей подруге Оле Максимовой, которая со мной все эти годы – от ученицы до самого близкого человека (без нее не было бы этой книжки). Спасибо моему другу Володе Салимовскому – с ним первым я делилась смутными научными идеями, а он умел разглядеть в них здоровое зерно. Спасибо моему брату Борису Бегуну – он сверстал мою первую книжку, и это был совершенно оригинальный макет. За второе издание мне тоже есть кого благодарить. Спасибо моему сегодняшнему «шефу» – Лилии Дускаевой, которая последние годы придает ускорение моей

жизни и направляет ее в деловое русло. Спасибо моей подруге Ире Каниной, которая восстанавливала картинки для нового издания по бледным копиям старого. И наконец, спасибо моим студентам, которым, как оказалось, очень нужна эта книжка.

Язык и речь сложнее, чем это обычно представляют, а говорящие люди чаще всего просто не замечают этой сложности. Для того чтобы понять природу сложности, следует рассматривать каждую часть структуры и часть каждой части в аспекте всей системы. Необходимость какой-то точки своеобразно сказывается на устройстве целого. Суждение же о целом без оглядки на части приведет к разрыву системы.

...откуда же появляется в тексте смысл, которого нет в отдельной фонеме?

В просодии, как видно, выражено коммуникативное действие, поступок человека, имеющий смысл. Вот почему значения усваиваются ребенком из просодии – самого высокого уровня человеческого языка.

Н. И. Жинкин

Введение

В последние десятилетия в лингвистике четко обозначился интерес к динамической природе языка. Именно этим интересом обусловлены поиски механизмов, обеспечивающих процессы образования лингвистических объектов, при этом в роли последних могут выступать как языковые единицы (например, слова) или языковые элементы (например, морфы), так и текст, возведенный в статус языковой единицы. Объектом приложения динамического подхода может служить также и фонетическое явление во всем его многообразии, но и в единстве признаков, которые позволяют отнести его к звуковой стороне языка.

Динамический подход к языку лег в основу такого направления в современном языкознании, как дериватология, предметом научного исследования которой стали процессы образования языковых единиц. Понятие производности распространено в рамках дериватологии на такие языковые области, как лексика, синтаксис, семантика. Результатом деривационных процессов (хотя, безусловно, не только их) оказывается и текст, который в то же время является источником всех возможных деривационных инноваций – от лексических до семантических.

Знакомство с научной литературой по данному направлению показывает, что понятие производности не было распространено лишь на область фонетических явлений. Однако очевидно, что в процессе текстообразования не последнюю роль играют и механизмы материального воплощения текста – его звуковой стороны, в которой реализуется вся фонетическая система языка.

В ритмической организации текста находит свое воплощение система суперсегментных (просодических) признаков и конституируемых ими единиц, которые, будучи сложными, производными по природе, являются удобным объектом для первой попытки установления деривационных отношений в области фонетических явлений русского языка. Таким образом, объект исследования – русский прозаический ритм – оказался в точке пересечения интересов двух лингвистических дисциплин – дериватологии как учения о производности и фонетики: рассматривая ритм (точнее говоря, просодический ритм), мы обнаруживаем его деривационную природу; проявляя особый интерес к дериватологии, убеждаемся в возможности распространения ее идей хотя бы на одну область фонетических явлений – область просодии. Иными словами, предмет исследования может быть сформулирован так: динамический аспект ритмической структуры русского прозаического текста.

Ритмическая структура текста, выявленная с использованием предлагаемой в настоящей работе методики, понимается как реализация в тексте просодической системы языка, а сам ритм оказывается формой существования просодии. Такой подход позволяет включить в общую теорию деривации еще один языковой уровень – уровень просодии.

Изучение просодического уровня в деривационном аспекте способствует решению ряда теоретических вопросов: о статусе суперсегментной единицы в русском языке, о понятии ритмической структуры применительно к целому тексту, о самом понятии «текст» как объекте лингвистического описания.

В ходе предварительного анализа материала¹ было сформулировано следующее рабочее определение: **ритм как элемент плана выражения является высшим уровнем суперсегментной системы русского языка, просодическим признаком текста. Организующая роль ритма заключается в манифестации разного рода семантико-экспрессив-**

¹ Корпус проанализированных текстов составил 76 единиц, что соответствует следующим учетным единицам: 430 фоноабзацев, 2700 периодов, 9265 фраз. Данный материал представлен фонограммами авторского исполнения текстов Л. Толстого, М. Пришвина, Ю. Олеши, М. Ромма, В. Аксёнова, а также аудиозаписями текстов, полученных в результате эксперимента, для которого использовались целостные фрагменты повестей Л. Толстого, Н. Гоголя, А. Чехова.

ных составляющих, входящих в содержательную структуру текста, и проявляется через воспринимаемые человеком соотношения суперсегментных единиц между собой и с ритмической организацией текста в целом.

Это определение позволило очертить круг проблем, требующих обсуждения в предлагаемой работе, и наметить задачи, решение которых необходимо как для выявления языкового статуса ритма (первая часть книги), так и для возможного практического применения в ходе анализа текста предлагаемого подхода к ритму (вторая часть книги).

В конечном счете целью настоящего исследования явилось выявление механизмов ритмообразования в тексте. Понятно, что достижение этой цели невозможно без обоснования деривационной – текстообразующей – природы ритма, определения суперсегментного статуса ритмообразующих единиц русского языка, без определения места ритма в системе языковых уровней.

Возможность применения предлагаемой концепции ритма в ходе анализа содержательной стороны текста стала очевидной после разработки методики анализа ритмической структуры, классификации и типологии выявленных ритмообразующих единиц. Статистические данные, представленные в графиках и таблицах, помогут наглядно продемонстрировать результаты.

В заключение дадим рабочие определения основных терминов, используемых для обозначения ритмообразующих единиц, поскольку в лингвистической литературе нет однозначного их толкования.

Фоноабзац – целостный фрагмент текста, вычлняемый в тексте не только на семантических, но и на фонетических основаниях: более длительная, чем внутри фоноабзаца, пауза, резкое повышение тона в начальной фразе – по сравнению с конечной фразой предыдущего фоноабзаца, замедление темпа на конечных тактах фоноабзаца – по сравнению с явным убыстрением на начальных тактах последующего фоноабзаца.

Период – следующая за фоноабзацем единица членения речевого потока, которая характеризуется в первую очередь разрешением всех интонационных противопоставлений, заявленных в ней, например: *// и вдруг видит / мимо него / идет по дороге человек без ног / на одних коленках //* – изменение тона можно изобразить следующей схемой: *// ↗ / ↗ / ↘ / ↘ //* – в данном периоде противопоставлены восходящая интонация первых двух фраз нисходящей интонации вторых фраз, однако повышение тона на второй фразе более существенно, что потребовало разрешения в понижающемся тоне следующей фразы, который, в свою очередь, несколько выше нисходящего тона последней фразы, в силу чего период и оказывается интонационно завершенным;

Фраза – следующая единица, которая характеризуется единым движением интонации (повышающейся или понижающейся), а также одним сильным (акцентновыделенным) тактом, при этом основанием для членения на фразы в случае, когда трудно определить направление, является именно невозможность существования в рамках одной фразы двух равновыделенных тактов, например, период *// Только знал я, что Яцек великий человек //* может быть квалифицирован как двухфразовый: *// Только знал я что Яцек / великий человек //* или как трехфразовый при другом варианте чтения: *// Только знал я / что Яцек / великий человек //*, при этом во втором случае ударными оказываются и местоимение *я*, и союз *что*; число тактов во фразе определяется по числу основных ударений, которые квалифицируются как таковые только на слух, вне зависимости от нормы произношения и смысла фразы, например фраза */ ничего /* может быть квалифицирована как однотоктная при обычном нормативном чтении письменного текста и как двухтактная с акцентом на первом такте, что встретилось в нашем материале при особом, экспрессивном ее произнесении: */ нй'чего' /*.

Часть I

О языковом статусе ритма

Глава 1

Обоснование дериватологического подхода к изучению ритма

С конца 60-х – начала 70-х г. XX века в языкознании, как известно, происходит «смена парадигмы» [Кубрякова 1986; Караулов 1988]: язык исследуется не только и не столько в целях изучения его системно-структурных свойств, сколько для познания его коммуникативно-динамической сущности.

В рамках коммуникативного подхода к изучению языка выделилось несколько направлений: функциональная грамматика, прагматика, лингвистика текста, теория речевых актов и др. К числу лингвистических дисциплин, изучающих динамическую природу языка, принадлежит и дериватология – общее учение о производности лингвистических единиц, разрабатываемое в трудах таких исследователей, как Е. С. Кубрякова, В. С. Храковский, Л. Н. Мурзин, Л. В. Сахарный и др.

Первоначально дериватология понималась лишь как учение об образовании слов, однако в процессе обнаружения общих закономерностей образования производных единиц разных уровней появилась возможность более широкой трактовки предмета дериватологии, а именно: ее центральным понятием стало понятие производности, теперь уже распространяемое не только на словообразование, но и на синтаксис, семантику, а впоследствии – на текст. Таким образом, предметом дериватологии являются процессы образования единиц – от слова до текста, «деривация как таковая» [Мурзин 1984]. При этом установление отношений производности между единицами не исчерпывает деривационного исследования, но по сути выступает в качестве материала для изучения механизмов образования языковых единиц. Важной особенностью дериватологии является ее ориентированность на текст, поскольку любые единицы языка возникают в процессе текстообразования.

Следует, однако, отметить, что деривационные процессы активно изучаются в сфере словообразования, синтаксиса, лексики и практически не изучаются на фонетическом материале. «Понятие производности, – указывает Л. Н. Мурзин, – не было распространено только на область фонетики, хотя, думается, есть основания обнаружить отношения производности и между фонетическими единицами» [1984: 81]. Между тем подтверждение этого предположения существенно обогатило бы общую дериватологическую концепцию.

Установление отношений производности между фонетическими единицами должно, очевидно, способствовать и дальнейшему более успешному моделированию процессов образования единиц в ходе порождения текста.

Понятно, что сама звуковая сторона текста – явление неоднородное: звуковой строй языка, как известно, допускает как чисто фонетический, так и фонологический подходы, которыми, однако, не исчерпывается весь звуковой строй. Обстоятельно изучены и продолжают активно исследоваться во многих новых аспектах сегментные средства языка – звуки (артикуляторная база языка, комбинаторика звуков речи, их акустические параметры, фонологические системы и т. п.). Что же касается суперсегментных единиц, они изучаются преимущественно как самостоятельные фонетические системы, как бы автономно.

Так, при изучении интонации как системы интонационных средств языка по существу не ставится задачи установить связи интонационных средств с другими суперсегментными средствами. Аналогично исследование акцентной системы языка осуществляется, как правило, вне связи ее с интонационной и слоговой системами.

Между тем, существование целостной системы суперсегментных средств языка, которая, как будет показано, находит свое воплощение в ритмической организации текста, не вызывает сомнения.

Очевидно, что исследование суперсегментных средств как системы способствовало бы и дальнейшему изучению лингвистической природы отдельных суперсегментных единиц. Отметим, кстати, что такой подход является не только значимым для фонетики как таковой, но и представляет очевидный интерес для теории дериватологии, поскольку такие единицы, как слог, такт (фонетическое слово), фраза (синтагма), период, фоноабзац и т. д., будучи единицами сложными, производными, являются удобным объектом для первой попытки установления деривационных отношений в области фонетических явлений.

Рассматривая природу ритма как фонетического явления, мы по сути имеем дело с просодическим ритмом, поскольку именно в просодии – «самом высоком уровне человеческого языка» [Жинкин: 60] – реализуется система суперсегментных языковых средств.

Термин «просодический ритм» не встречался нам в специальной литературе, при этом, по существу, многие исследователи обращаются к этому явлению. Можно сказать, что идеи теории деривационных отношений нашли свое отражение в ряде работ, хотя сами эти отношения и не описаны в соответствующих терминах.

Из множества исследований, так или иначе обращающихся к проблеме ритма, мы остановились лишь на тех, в которых ритм рассматривается применительно к организации речи, к ее звуковой стороне². Нас будут интересовать работы, имеющие в качестве материала прозаические тексты, поскольку природа поэтического ритма достаточно хорошо описана, а сам поэтический ритм является, на наш взгляд, предметом стилистического описания (см. об этом ниже).

Одной из центральных идей в области природы ритма является идея об иерархии ритмических единиц: «Ритмическая организация речи представляет собой сложную систему, построенную по иерархическому принципу (меньшие ритмические единицы входят в большие)» [Антипова 1984: 18]. Понимая ритм как «периодичность сходных и соизмеримых единиц» [там же], А. М. Антипова и представители возглавляемой ею школы по изучению ритма³ пришли к выводу, что «любой речевой сегмент может стать ритмической единицей, если он оформлен как сходная и соизмеримая единица» [Антипова 1984: 5]. Вообще вопрос о ритмических единицах занимает едва ли не главное место в исследованиях: от речевых колонов, анализируемых в свое время Б. М. Томашевским и в современных трудах М. М. Гиршманом, до акцентных рядов, выдвигаемых в качестве основных ритмических единиц Н. В. Черемисиной.

Неразработанность вопроса о ритмической единице как таковой выражается в том, что практически для каждого вида, типа, стиля речи выдвигается своя номенклатура единиц, которые обнаруживают урегулированность только в данной речевой разновидности.

Исследователи ритма стремятся определить ведущие единицы ритма в изучаемых ими текстах, но особенно важно для теории деривационных отношений, когда ставится задача проанализировать взаимодействие этих единиц. Такого рода проблемы решаются в современном языкознании на материале английского, немецкого, французского, китайского языков⁴.

² В специальной литературе есть исчерпывающие обзоры по проблеме ритма [Харченко; Антипова 1986; Мирианшвили].

³ На XI Международном конгрессе фонетических наук в Таллине (1987 г.) в ряду других был проведен симпозиум «Ритм и метрика» под председательством А. М. Антиповой, которая избрана на этом Конгрессе в состав Постоянного совета Конгресса фонетических наук, что свидетельствует о престижности этой школы.

⁴ См., например, работы, выполненные на материале английского языка [Буря; Немченко 1982].

Русская прозаическая речь также становилась предметом исследований, связанных с проблемами ритма. Здесь в первую очередь необходимо отметить монографию Н. В. Черемисиной «Вопросы эстетики русской художественной речи», в которой ритмико-фигурное строение определяется как «закон ритмической организации художественной прозы» [1981: 49]. В работе обосновывается необходимость разграничения интеллектуальных и физиологических основ ритма, а также описываются функции и значение ритмических фигур.

К основательным исследованиям в области ритмической организации русского художественного прозаического текста может быть отнесена монография М. М. Гиршмана «Ритм художественной прозы», выполненная на стыке лингвистики и литературоведения.

Ряд работ посвящен исследованию русской разговорной и диалектной речи. Так, исследования Н. Н. Розановой дают представление практически обо всех возможных регуляторах ритма в русской разговорной речи – от порядка слов и их фонетической деформации до появления дополнительного ударения в служебных словах.

Особый интерес представляют наблюдения над ритмической организацией текстов вологодских говоров, описанные в тезисах симпозиума по структуре текста Р. Ф. Пауфошимой: выбор ритмической структуры слова «задается ритмом фразы». Так, например, слово *пирог* в разных фрагментах текста у одного и того же диктора имеет различное акцентное оформление: *были гороховые пíроги пекли* и *пирогí были красивые* [Пауфошима: 32]. Эта зависимость акцентной структуры слова от акцентной структуры фразы в целом, безусловно, свидетельствует об отношениях подчинения и включения, устанавливающихся между словом и фразой.

Вообще сам факт объяснения структурных особенностей единиц низших уровней в терминах структурных единиц высших уровней свидетельствует о возможности дериватологического подхода к исследуемому явлению.

В связи с этим необходимо остановиться на одном из принципиальных вопросов теории речевого ритма – вопросе о соотношении ритма и интонации. Известно, что традиционно речевой ритм рассматривался как компонент интонации. Однако его роль как организатора высказывания в целом становилась все более очевидной. По-видимому, результатом противоречия между традицией и новым знанием и являются суждения подобные следующему: «Трудность анализа ритма как компонента интонации заключается в том, что ритм представляет собой на акустическом уровне сложную структуру взаимодействия физических параметров **всех компонентов интонации** (выделено нами. – В. В.)» [Харченко: 14]. Из приведенного высказывания следует, что если в структуру ритма включаются все компоненты интонации, в нее включается и сам ритм, поскольку он тоже компонент интонации.

Здесь, по-видимому, имеет место некоторое смешение чисто терминологического порядка. Всякое просодическое средство характеризуется определенной организацией своей структуры, которую и принято называть ритмической. Говорят о ритмической структуре слова, фразы. Даже структура слога может трактоваться как ритмическая в силу повторяемости элементов слога в разных сочетаниях. С того момента как объектом лингвистического анализа стал текст, понятие ритма расширяется и в определенной степени отрывается от традиционного. Ритм текста невозможно свести к ритму составляющих текст единиц. И сколько бы мы ни описывали ритмическую организацию речевого такта, синтагмы или фразы, мы не приблизимся к познанию ритмической структуры текста. Следует, вероятно, согласиться с выводом И. С. Харченко, что «в структуре ритма участвуют все просодические средства» [1979: 14], в том числе и интонация, которая тоже относится к просодическим средствам языка.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.